

*Этот роман я посвящаю
нашим силам правопорядка,
нашим учителям
и жертвам.*

Если я чем-то на тебя не похож, я этим во-
все не оскорбляю тебя, а, напротив, одаряю.

*Антуан де Сент-Экзюпери,
«Письмо заложнику»**

...у [него] в голове была щель, через кото-
рую туда проникла нечистая сила, и... она-то
и прикончила его.

*Редьярд Киплинг,
«Рикша-призрак»***

* Перевод с французского Норы Галь. —
*Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев,
прим. пер.*

** Перевод с английского Алексея Шадрина.

У этой девушки было все. Взять хотя бы внешность. В нашем обществе, в котором в первую очередь обращают внимание на внешний вид, она могла бы гордиться тем, что скорее красива. А если присмотреться, то даже очень красива. Фигура как у Барби, средний рост, волосы до плеч рассыпались непослушными прядями, свидетельствуя о мятежности духа их обладательницы. Чудные светлые глаза того оттенка голубого, которым природа окрашивает драгоценные камни. Высокие скулы слегка удлиняли лицо и подчеркивали линию щек, придавая внешности неуловимо славянскую изысканность. Полные губы цвета спелого розового грейпфрута словно стремились отвлечь взгляд от округлостей тела, выточенных регулярными занятиями спортом. Эта внешность словно была создана для соблазнения.

Но в категорию выше средней девушку переводил не только и не столько внешний блеск. Все дело было в том, как она себя держала, в исходившем от нее свечении: она излучала то, что принято называть сумасшедшим обаянием. Ее манера искоса наблюдать за людьми, то, как она улыбалась, не позволяя себе рассмеяться, то, как на щеках у нее вдруг показывались ямочки, выдававшие ее любопытство, плавные движения женщины, хорошо чувствующей себя в своем теле, пленительная сила, читавшаяся во взгляде, — все это порождало необоримую ауру, которой природа одаряет избранных, словно покрывая их глянцевым лаком. Говоря по правде, даже небольшие физические недостатки, имевшиеся у этой девушки, так хорошо вписывались в общую картину, что превращались в трогательные особенности. Так, клыки у нее стояли чуть вкось — как

раз настолько, чтобы сделать улыбку единственной в своем роде, — а вокруг губ виднелся коричневатый след от солнечного ожога, полученного далеким летом: напоминавший крупное родимое пятно, он был чем-то наподобие подписи художника на холсте.

Эта девушка не отличалась широким кругозором, но любила читать, что, наряду с изрядной долей любознательности, позволило ей собрать набор для выживания в интеллектуальной среде, где всякий демонстрирует явную склонность к бахвальству. По ее собственным словам, она обладала лишь весьма средним умом, — однако она гордилась умением делать верные выводы. Все, кто сталкивался с ней в профессиональной сфере, непременно отмечали и даже особо подчеркивали это ее свойство.

У этой девушки, безусловно, имелись и недостатки. Прежде всего издержки молодости, в первую очередь чрезмерная наивность; но кроме того, трагедии и травмы, с которыми ей пришлось столкнуться, подтолкнули ее в итоге к избыточной самозащите — вплоть до попыток благодаря занятиям спортом выковать себе физическую броню, отрезать себя от части переживаний, отгородиться стеной от собственных страхов. Однако в последнее время ей удалось преодолеть тревожность, смириться с тем, что она может страдать. Теперь она полной грудью вдыхала ароматную смесь из радости жизни, чувственности и глубокого понимания себя. Она наконец-то была готова к жизни.

Этой девушке было слегка за тридцать, она еще не знала ни замужества, ни материнства, зато добилась больших успехов в своем деле: коллеги считали ее кто чуть ли не гением, кто странным созданием с пугающим потенциалом в сферах, казавшихся им самим более чем туманными. Она вложила в работу всю себя, и это принесло результат: недавно она достигла той точки равновесия, оказавшись в которой человек осознает, что готов расти дальше. Иными словами, теперь она мечтала состояться в личной жизни, в любви и создать семью.

У этой девушки было все.

Все, кроме самого главного.

Сейчас у нее, запертой в темной клетушке и обездвиженной парами хлороформа, не оставалось никакой надежды на будущее — словно у мушки, бессильно бьющейся в паутине голодного паука.

Человек часто — и ошибочно — полагает, что мрак есть вещь в себе, хотя в действительности это просто отсутствие света. Мрак — это всего лишь нехватка, а если нам все же хочется думать, что он что-то воплощает, то это может быть одна только пустота.

Так, во всяком случае, размышляла молодая женщина, скорчившаяся в углу темной, глухой клетушки. Она подтянула ноги к груди, обхватила их руками, уткнулась подбородком в колени. Хотя ей не светил ни единый лучик света, она знала, что лицо у нее грязное, что на щеках и на лбу засохла земля, что ее тонкая, словно фарфоровая, кожа располосована черной пылью, чувствовала, как падают на плечи светлые пряди волос, потяжелевшие от запутавшейся в них земли, понимала, что ее красота словно растворяется в пустоте ожидания, в тревоге и тьме.

Она провела языком по губам и отметила тонкие трещинки — признак начинающегося обезвоживания. Она вздрогнула и решила списать это на счет холода. Кожу под хлопчатобумажной футболкой с длинными рукавами покрыли мурашки. Как ни удивительно, ей совсем не было страшно. По крайней мере, она не испытывала того глубокого ужаса, который грызет изнутри, парализует, сковывает по рукам и ногам в самый неподходящий момент, который высасывает из человека всякую способность реагировать и связно мыслить, оставляя его безоружным перед лицом опасности. Она почти не двигалась — но лишь для того, чтобы сохранить силы и тепло, производимое ее телом и нагревающее тоненькую прослойку воздуха между одеждой и кожей. Это тепло сейчас было ее самым верным союзником, оно должно было помочь ей продержаться. Как долго? Она не знала, но готовилась к худшему. Ведь именно худшего она и ждала.

«Нет-нет, не говори так! — тут же осекла себя она. — Ты ничего не знаешь! Может быть, это... случайность! Совпадение. Да, вполне возможно, это всего лишь несчастное стечение обстоятельств, и все вскоре разрешится. Все наладится».

Но если она была так в этом уверена, отчего тогда с самого начала делала все, чтобы сбереечь силы? Она словно готовилась бороться за жизнь.

Так велел ей инстинкт. С той самой минуты, когда она очнулась здесь, в этой комнатухе без окон, она знала, что что-то не так, — знала еще прежде, чем вспомнила, что случилось в последние мгновения до того, как она потеряла сознание, и кто на нее напал.

Чего он от нее хочет? Почему именно она? Первые же ответы, пришедшие ей на ум, словно обдали ее ледяным холодом — но она сразу прогнала их. Сейчас ей нельзя думать о том, что события будут развиваться по самому жуткому сценарию. Она действовала постепенно: заставила себя разобрать свои ощущения на составляющие, разложить их по местам и тем самым не дать себе нервничать, не позволить воображению сорваться с цепи, не разрешить страху захлестнуть ее с головой. Она слишком хорошо знала страх, чтобы выпустить его на свободу. Можно сказать, что однажды она уже была его рабыней — и поклялась, что никогда больше не станет ему подчиняться. Сейчас она могла доказать себе, что не нарушит клятву. У нее были для этого душевные силы, закалка и опыт. Все, что ей довелось пережить в жизни, подготовило ее к этому.

Для начала она оценила свое физическое состояние. В целом все неплохо. Нет ни ран, ни серьезных повреждений, только резкая боль в черепе, словно что-то стучит позади глаз: это из-за хлороформа, которым он ее усыпил. У нее всего пара неглубоких царапин. Она не знала, изнасиловал ли он ее — но знала, что не испытывает боли, что джинсы и трусики сидят как обычно, она их вообще не чувствует. Вряд ли он сумел бы так ловко ее раздеть, а затем снова одеть. Нет, ничего такого не было.

Пока не было.

«Прекрати! Немедленно прекрати. Хватит этих дурацких мыслей. Ты ничего не знаешь. У тебя нет оснований так думать, нет доказательств. Может, это совпадение... Нелепое совпадение...»

Девушка попыталась пошевелиться, насколько это было возможно. У нее хрустели суставы, судорогой свело все мышцы. Как давно она провела в темноте? Часов десять? Двадцать? Она проголодалась, но не слишком, и потому решила, что, вероятнее всего, прошла только ночь. Возможно, сейчас еще утро. Если только чувства ее не обманывают. Сколько времени понадобится ее коллегам (*ну, или реально: окружению*), чтобы понять, что она пропала? Двадцать четыре часа. Около того.

«А потом? Как они меня найдут?»

Она подвигала затекшей челюстью и вытянула руки так сильно, что путы на запястьях впились в кожу. Она быстро поняла, что

не сумеет высвободить руки — пластиковый хомут был слишком крепким, его затянули так сильно, что ладони словно приклеились друг к другу. Все вокруг тоже не внушало ей никакого оптимизма. Нигде ни единого лучика света. Ее или замуровали где-то глубоко под землей, в подполе, или бросили в абсолютно герметичную камеру. В любом случае она понимала, что кричать бесполезно — ее никто не услышит, по крайней мере, никто, кто мог бы помочь.

Что с ней теперь будет? Почему она здесь оказалась? Думать, что все закончится хорошо, слишком наивно: хотя она и признавала за собой множество недостатков, простодушия среди них точно не было. Больше не было.

Никто не стал бы так рисковать, не разработал бы столь тщательный план, если бы не ставил перед собой четкую цель, не имел серьезных, зловещих мотивов. Не стоит закрывать глаза на правду. Рано или поздно дверь откроется и случится нечто ужасное.

Лудивина Ванкер заглушила рыдания, поднимавшиеся из глубины горла. Она продержалась все это время не для того, чтобы теперь сломаться. Этого она не допустит. Она работала в Отделе расследований парижской жандармерии, сталкивалась с самыми жуткими извращениями, живущими на территории Франции, а порой даже за ее пределами, великолепно стреляла из табельного оружия, в рукопашном бою регулярно отправляла в нокаут парней в два, а то и в три раза крупнее, чем она сама, бегала по несколько раз в неделю, чтобы стать еще выносливее: после всего, что выпало на ее долю, ее дух был крепче, чем закаленная сталь. Нет, она не даст себе сломаться. Не сейчас. Она не может себе этого позволить.

И все же, несмотря на яростные усилия сдержать слезы, она почувствовала, как они потекли у нее по щекам. Лудивина ничего не могла с этим поделать. Она долго пряталась за непроницаемой броней, не позволяла себе никаких проявлений чувств, но недавно все же решила сорвать с себя эту вторую кожу, признать, что это была лишь маска, открыться миру и эмоциям. Постепенно она научилась быть обыкновенной женщиной своего возраста и отдаваться во власть сладкой эйфории, которую дарят простые радости жизни. Ей нравилась та, в кого она превратилась. Тридцатилетняя женщина, у которой есть все. Все это не могло просто так исчезнуть.

Страх медленно проламывал панцирь ее сопротивления. Лудивина злилась на себя за это. Раньше она смогла бы контролиро-

вать это страх, возможно, даже сумела бы превратить его в энергию. Но так было раньше, когда она была воином, когда ей нечего было терять, когда она думала только о результате, не считаясь с собственными чувствами. Она прокляла свои надежды на счастье — ведь сейчас именно они дали дорогу страху. Да, однажды она уже вступила в бой со своими демонами, однажды она их уже одолела. Она победила всех призраков, которых привела за собой из Валь-Сегон, которых извлекла из мрачных подвалов клиники в Сен-Мартен-дю-Тертр*: она повалила их на землю и досконально изучила, чтобы лучше узнать саму себя, чтобы выйти из этих испытаний сильной, чтобы ощутить доселе незнакомое ей желание жить. В последнее время она чувствовала себя невероятно живой.

Но мрак был с ней так долго, что во многом лег в основание обретенного ею душевного равновесия: Лудивина почувствовала, что, возможно, была не права. Мрак — не просто свидетельство пустоты, подтверждение отсутствия: нет, у него есть своя собственная структура, материя. Собственная вполне реальная плоть. Мрак — это антиматерия, черная субстанция, заполняющая космос, ужас, придающий глубину нашей внутренней жизни. Более того, он — фактическое подтверждение того, что наш мир, по сути, плох, что на самой границе нашего поля зрения существует пятно, всегда готовое нас поглотить и выпустить страх на волю.

Лудивина ошиблась.

Мрак существовал. И не только в голове самых жутких чудовищ. Мрак поглотил ее, и теперь она сама едва держалась на плаву в его гнилостных внутренностях.

Врать, чтобы успокоить себя. Не признавать очевидное. Защищать себя как можно дольше. Но как долго? Пока не убежишь от реальности? Пока не соорудишь для себя шоры толщиной со стену, пока отрицание не станет безумием?

* См. романы того же автора «Первобытное зло» и «Терпения дьявола». — *Прим. автора.*

Лудивина осторожно помотала головой в темноте.

Это не совпадение. Ее бросил в эту дыру не просто какой-то проходивший мимо психопат. Это не случайность — только не сейчас. Не после всех событий последних недель. Особенно если учесть, чем он стянул ей запястья, если вспомнить, *что* она успела заметить, прежде чем он ее усыпил.

Она закрыла глаза. Ничего не изменилось — кроме ощущения, что она еще чуть глубже погрузилась в себя. Но по крайней мере эта тьма принадлежала лишь ей одной.

Почему он не пришел поговорить с ней? Почему не слышно голосов, вообще ни единого звука, пусть даже где-то вдали?

«Меня похоронили заживо. Засыпали трехметровым слоем земли. Никто меня здесь не отыщет, и я умру от жажды, от голода и холода, но еще раньше — от удушья».

Следователь изо всех сил впилась ногтями себе в ладони и скривилась от сильной боли. Когда она сбросила маску неуязвимой амазонки, это пошло ей не только на пользу. Она явно поглупела. Не стоило так рассуждать. Нельзя сдаваться, воображать худшее. Да, она оказалась в крошечной камерке с земляными стенами — но не в могиле. Даже если она сейчас сидит глубоко под землей, это не значит, что сюда не поступает воздух. С тех пор, как она очнулась, прошло несколько часов, но дышит она все так же свободно. Несмотря на тесноту, в камерке не становится теплее, наоборот, а значит, воздух в ней и правда циркулирует. Первая хорошая новость.

Лудивина начала примиряться с очевидным.

«Это тот же человек. У меня мало времени. Совсем мало...»

Она невольно жала ягодицы, вновь подумав о нем и о том, в каком виде она и ее коллеги-следователи находили его жертв. Она хорошо знала это дело, и неспроста...

У нее горели запястья, путы словно огнем жгли кожу.

Ей нужно выбраться отсюда. Бросить все силы на то, чтобы найти способ сбежать.

Лудивина откинула голову назад, ударилась затылком о рыхлую землю. Холодные крошки посыпались ей за воротник, вдоль позвоночника, и она вздрогнула.

Это точно *он*. Признав это, она снова могла ясно мыслить.

Ей нельзя здесь оставаться. Она слишком много знает. В гневе она жала зубы, выдохнула все переполняющее ее отчаяние, постаралась сдержать подступающие слезы.

Стадия шока осталась позади. Как и отрицание, и попытка укрыться за собственным бредом. Теперь она могла сосредоточиться на текущем моменте, учесть обстоятельства, место, свои ощущения. Ей нужно было подготовиться к защите, потому что она знала. Знала, что будет дальше, но главное — кто ее похитил. И, пожалуй, даже почему.

Ее похитил извращенец самой опасной породы. Безжалостный. Совершенно не склонный к переменам настроения. Для него она была лишь инструментом, который он собирался использовать для собственных целей — предметом, не более. Он не видел в ней ничего человеческого. Ничего, кроме ее половых органов, и то лишь потому, что планировал ими воспользоваться. Как вести себя с таким чудовищем?

«На этот вопрос точно есть ответ. Да, он не способен на эмпатию, но он остается человеком, он состоит из эмоций, пусть и крайне ограниченных, из брони, из фантазий, из слабостей. Как раз там и нужно искать вход».

Вот что нужно сделать: найти входную дверь в его бункер — последние крохи человечности, запрятанные в самой глубине, среди его страданий и отклонений. Нужно найти способ обойти его привычные схемы, выдернуть его из рутины извращений.

Но что она о нем знает? И как найти трещину, в которую она сумела бы незаметно протиснуться? И сколько у нее осталось времени?

«Он придет. Скоро. Он потащит меня куда-то, чтобы мною воспользоваться. Все произойдет быстро, у меня почти не будет времени, чтобы что-то сделать. Импровизировать нельзя, я должна буду заранее знать, что сказать, чтобы заставить этого хищника забыть свои повадки, отклониться от привычной схемы и выпустить наружу остатки того человеческого, что в нем еще сохранилось. Мне нужно придумать что-то, что привлечет его внимание, вынудит его услышать меня».

А что потом? Одних слов не хватит, чтобы удержать его на расстоянии и уж тем более чтобы убедить его отпустить ее! Это ненасытный хищник, наконец-то добравшийся до добычи, способной утолить его голод. Шансов на спасение у Лудивины не больше, чем у мыши, пытающейся договориться с оголодавшей змеей.

«Подготовиться. Действовать. Методично. Вот что нужно делать».

А дальше видно будет.

В первую очередь надо составить психологический портрет психопата. У Лудивины Ванкер страсть к этой работе была в крови: вот почему она знала, что убийство часто представляет собой проекцию душевного состояния на конкретный момент времени. Это тем более верно в случае с серийным преступником, действующим по собственной извращенной схеме. Но она умела скрупулезно разбирать преступления и расшифровывать язык крови. Да, Лудивина могла продвинуться по этому пути очень далеко.

Возможно, у нее все-таки есть небольшая надежда. Остывающая головешка, все еще способная немного согреть и слегка отогнать темноту.

Она уцепилась за эту мысль.

«Что я знаю о нем? О его первом преступлении?»

Не о самом первом, а о том, из-за которого мы встретились. Вот откуда надо начинать. С дня нашего знакомства».

Это случилось в пятницу. Лудивина помнила все до мельчайших подробностей.

Никто не сумел бы забыть такое.

В первой половине осени погода оставалась совсем летней, холода наступали нерешительно, лениво. Температура менялась безо всякой логики, словно циклоны никак не могли отпереть замок и вырваться на свободу. Порой они все-таки выби- рались наружу, но к выходным их снова сменяло почти весеннее тепло. Природа будто бы растерялась от такого непостоянства и отказывалась раздеваться, готовясь к зиме. Она лишь снизошла до осенней моды и нарядилась в теплые цвета: все вокруг стало коричневым, желтым, красным.

Когда хаос, охвативший страну в мае*, немного забылся, Франция постепенно успокоилась. Лето выдалось особенно мягким и тихим, словно все вокруг еще не пришли в себя от пережитых потрясений. Помня о роли, которую Лудивина сыграла

* См. роман «Терпение дьявола». — *Прим. автора.*

в расследовании, о том, как она совершенно не заботилась о собственной безопасности, начальство отправило ее в трехмесячный отпуск. Три долгих месяца без работы. Лудивина сумела провести их с толком. На июнь и июль она уехала в горы, в дом своего наставника Ришара Микелиса, где он жил со всей семьей. Лудивина прониклась нежностью к его детям, Саше и Луи, а Ана приняла ее у себя словно младшую сестру, которую срочно требовалось утешить и поддержать после серьезной передрыгги. Это было странное, но очень полезное для нее время. Ришар Микелис по праву считался одним из величайших специалистов по составлению психологических портретов преступников. Это был гениальный криминалист — знаток своего дела и человек исключительных личных качеств. Но на своем профессиональном пути он повидал столько ужасов, что решил отдалиться от дел. Теперь он жил в Альпах, посвятив себя заботам о семье: он словно хотел напиться жизнью после того, как бесконечно сталкивался со смертью. Лудивина много наблюдала за ним в его альпийском уединении. Ее потрясли его стремление не упустить ни минуты из жизни детей, его чувство к жене, порой столь трогательное, словно первая любовь. За эти два месяца она сто раз прокрутила в голове события последних двух лет: она размышляла о том, кем стала, разбирала по косточкам собственные страхи. Дни напролет она гуляла по альпийским лугам, наслаждалась головокружительными, потрясающими видами и перебирала свои слабости.

Отпуск в Альпах пошел ей на пользу. Микелисы помогли ей разломать собственную броню, открыться жизни. Она ничего не делала специально, просто пришло время: словно материя, покрывавшая ее, защищавшая ее, но вместе с тем душившая, имела срок годности, словно она изнасилась от свежего горного воздуха, от жизни с этой семьей. Любовь оказалась сильнее прицельного удара по ее давно растрескавшейся броне.

В начале июля Лудивина на несколько дней вернулась в Париж, чтобы повидать Сеньона и Летицию, медленно оправлявшуюся от полученных ран. После всего пережитого Летиция сначала решительно потребовала от мужа, чтобы тот сменил профессию или хотя бы ушел из Отдела расследований жандармерии. Но, постепенно осознав, что ей удалось спасти жизнь тридцати детей, в том числе и своих собственных, Летиция передумала и стала поддерживать Сеньона. Защищать невинных, не давать

мерзавцам причинять вред другим людям — в этом он был по-настоящему хорош, и дело это было необычайно важным: слишком важным для того, чтобы бросить его из страха и эгоизма. Спустя несколько недель, благодаря помощи терапевта, Летиция сумела оправиться от посттравматического стресса, наконец ощутить себя героиней, не жертвой. Это был способ выжить, выдержать.

Считать себя не добычей, а искалеченным воином. Лудивина отпраздновала свой день рождения с Сеньоном, Летицией и со своим спасителем, Гильемом Чинем, которому за несколько месяцев до этого удалось вытащить ее из переделки в подвале заброшенной больницы.

Потом была свадьба Гильема и Мод. Праздник получился незабываемый, Лудивина уже давно не смеялась так много и так искренне. Рассвет следующего дня она встретила, сидя на каменной стене перед уходящим за горизонт полем лаванды, между Магали, их коллегой из Отдела расследований, и Сеньоном, на плече которого спала Летиция. Трое жандармов в измятой и перепачканной праздничной одежде, устало улыбаясь, передавали друг другу бутылку шампанского и пили прямо из горлышка. То был самый длинный и самый прекрасный день лета.

После той свадьбы Лудивина вернулась обратно к Микелисам и провела еще несколько недель в их доме, под защитой гор. Она чувствовала, что в ней что-то меняется, появляется хрупкость, и это ее пугало. Ей все еще нужно было чувствовать любовь этой семьи, доброту, которой они ее окружили.

В тот период они с Ришаром мало говорили о деле — только когда разговор заводила сама Лудивина. Ее наставник выслушивал ее, словно психотерапевт, направлял беседу в нужное русло, помогал ей выразить словами то, что она прятала в самой глубине себя: страх, который она испытала, или — даже хуже — отсутствие страха. Чтобы пережить все то, что выпало на ее долю за последние два года, Лудивина запретила себе реагировать на внешние раздражители, превратилась в боевую машину. И теперь ее пугала мысль о том, чтобы вновь начать чувствовать, стать ранимой, сполна ощутить желание жить, — но она понимала, что без этого она не сможет развиваться как женщина.

Она вернулась в Париж в августе, решив вложить все свои сбережения — в основном полученное ею наследство — в покупку дома на одной из тихих улочек Пантена. Она оформила ипо-

теку на двадцать лет: это был ее способ признать, что она решила жить — хотя бы для того, чтобы выплатить долги. К тому же теперь она могла съехать со служебной квартиры, порвать с военными порядками, сделать перерыв. Ей нужно было собственное пространство.

Дом был слишком большим, но она сразу влюбилась в его своеобразие, которое нельзя было не оценить. Раньше здесь находилась шоколадная фабрика: стены из красного кирпича оттеняла широкая лестница из кованого железа, располагавшаяся в центре основного помещения — лофта; изящные колонны из коричневой стали упирались в металлические потолочные перекрытия. Вдоль всего дома шла красивая терраса с видом на пышно разросшийся сад, где клумбы, разделенные едва заметными среди растений дорожками, пестрели розами, геранью, георгинами и другими цветами. Лудивина полюбила этот запущенный сад, в чем-то похожий на нее саму, и пообещала себе ухаживать за ним, не дать цветам завянуть.

Во второй половине августа ее вызвал полковник Жиан: он предложил ей мало-помалу возвращаться к работе. Ее решили никак не наказывать и даже не ограничивать, а главное — не стали переводить в другой отдел. Да, она пошла на риск, но сумела задержать незаурядного преступника. Учитывая ее впечатляющий послужной список, полковник счел, что положительной психологической характеристики достаточно для того, чтобы она вернулась на свою должность, к тем же обязанностям, вновь получила прежнее звание и свое табельное оружие.

Сентябрь и октябрь прошли спокойно — даже слишком. На какое-то время ее заняло дело по мошенничеству со страховкой в семьдесят седьмом департаменте: подстроенный пожар повлек серьезные убытки. Кроме того, она помогала коллегам в работе по нескольким небольшим делам. Вечера она в основном проводила с Магали и Франком: они были такими же близкими друзьями, как Лудивина с Сеньоном. Франк как раз разводился и сильно переживал по этому поводу. Порой Лудивина после работы ходила в кино, листала скучные журналы, а когда ею овладевала апатия, просто овощем лежала на диване перед телевизором. Она куда меньше выкладывалась на занятиях боевыми искусствами, реже бывала в тире и постепенно превращалась из воительницы в обычную женщину. Она заставляла себя бегать несколько раз

в неделю, чтобы оставаться в форме и сжигать излишки жира — она не отказывала себе в удовольствии вкусно поесть. Пожалуй, теперь это был ее единственный способ как-то себя дисциплинировать.

Подходила к концу последняя неделя ноября. Лудивина вернулась домой около семи вечера, медленно поднялась на второй этаж, в ванной стянула джинсы и оставила их лежать на линолеуме, затем влезла в удобные хлопковые пижамные штаны. Бросив свитер и бюстгальтер на край ванны, она натянула толстовку из мягкой, как кожа младенца, ткани — спереди черными буквами было написано «Femme fatale»*. В случае с Лудивиной эта надпись была вполне правдивой. Если бы только окружающие знали, что она пережила и что делала в последние пару лет...

Затем она спустилась в кухню, слишком большую для одинокой женщины, задумалась, что бы приготовить на ужин, но быстро сдалась и заказала суши.

Лудивина почти гордилась тем, как оформила первый этаж своего дома. Наполненный книгами шкаф придавал гигантскому помещению уютный вид. Правда, после работы у нее совершенно не оставалось ни сил, ни времени, так что читала она теперь совсем не так много, как прежде. Ее книги напоминали трофеи, завоеванные в борьбе с невежеством, — но, к ее огромному стыду, давно покрывшиеся пылью... Надо снова взяться за чтение, снова погрузиться в теплое забытье, которое дарит увлекательная книга.

Зато камин был полностью готов к использованию — одной искры хватило бы, чтобы разжечь поленья и нагреть комнату. На каминной полке стояли в рамочках семейные фотографии и несколько снимков коллег из Отдела расследований. На одном из снимков Лудивина стояла рядом с Сеньоном и еще одним весьма симпатичным парнем лет тридцати. С Алексисом.

Месяц назад Лудивина принесла цветы на его могилу: со дня его гибели прошло уже два года. Очень скоро, в день его рождения, она вернется на кладбище. Она чувствовала, что обязана так поступать. Это был ее долг перед товарищем, любовником. Перед тем, кто оказался жертвой.

На стенах в лофте висели старательно отобранные картины. Многоцветное рельефное изображение Парижа в стиле 3D-поп-

* Роковая женщина (*фр.*).

арт работы Фаззино дополнило другую его работу, с видом Манхэттена, которая висела у Лудивины уже давно. Стену напротив, самую широкую в доме, закрывал большой американский флаг, изорванный за долгие годы службы ветрами и песком штата Нью-Мексико. Лудивина заплатила за флаг целое состояние, но он напоминал ей о том, как она, двадцатилетняя, ездила в США. Когда она рассматривала его выцветшую ткань, его оборванные края, комната словно наполнялась духом тех колдовских краев, легендами о ковбоях. Порой ей даже казалось, что она слышит зов труб и крики индейцев.

Паркет из широких досок черного дерева, положенный между колоннами из кованного железа, то тут, то там покрывали толстые ковры. Лудивина выбрала для дома потемневшую от времени мебель в сероватых, словно свинцовых тонах. Ее убежище полностью соответствовало ее новому внутреннему состоянию. За последние несколько месяцев она стала спокойнее и хотела, чтобы и дом тоже дарил ей спокойствие. Обстановка должна была соответствовать ей самой — пусть даже на втором этаже до сих пор стояли неразобранные коробки, а многое в доме еще нужно было перекрасить, переделать. Она до сих пор так и не взялась за ремонт собственной спальни — там все еще гуляли ледяные сквозняки, — и совершенно не понимала, почему ей не хочется этим заниматься. Но в целом работы в доме шли, и она верила, что у нее все получится.

На улице затрещал мопед курьера, привезшего суши, но звук мотора приглушили разросшиеся кусты и цветы. Она проглотила сырую рыбу, сидя по-турецки на угловом диване.

Лудивина отдыхала, развалившись под уютным пледом и даже не глядя на экран включенного телевизора, целиком отдавшись на волю собственных мыслей, когда вдруг зазвонил телефон. Сначала она решила не отвечать — пусть себе заливаается, но вспомнила, что дежурит все выходные, и для очистки совести взглянула на номер на экране айфона.

Жандармерия. Тяжело вздохнув, она ответила на звонок.

— Прости, что порчу тебе вечер, — слышался мягкий голос Гильема, — но мы тут нужны.

— Срочно?

— На путях, на линии D, недалеко от Эври, нашли труп.

— Почему нельзя отправить туда местных полицейских? Или спецотряд?